

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА В ЭПОХУ РАННЕГО — НАЧАЛА СРЕДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В СТЕПНОЙ ЗОНЕ ВОЛГО-УРАЛЬЯ*

В статье рассматривается современное состояние вопроса о датировке ямной культуры Волго-Уралья. В ряде работ последнего времени самарского исследователя П. Ф. Кузнецова отстаивается идея об узких рамках ямной культуры, к которой им относятся только памятники раннего (репинского) этапа. Культурная принадлежность погребений позднеямного этапа определяется как полтавкинская. Сужение рамок ямной культуры до границ репинского этапа противоречит периодизации и хронологии различных вариантов ямной КИО от Северо-Западного Причерноморья до Южного Приуралья, которая в целом датируется в пределах от 3400 до 2200 гг. до н.э.

В статье приводятся разнообразные факты, свидетельствующие о внутреннем единстве погребальной практики ямных племен Волго-Уралья. В целях устранения терминологических противоречий, возникающих среди исследователей, период конца ранней — начала средней бронзы предлагается именовать «утевским этапом» истории ямных племен Волго-Уралья по названию известных Утевских курганов, открытых И. Б. Васильевым.

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 07-06-00148а и гранта РГНФ № 06-01-9/100а/У

В последнее десятилетие изучение ямной культуры получило новый импульс. Это связано с рядом ключевых моментов, которые вызывают наибольший интерес среди специалистов, занимающихся проблемами культурогенеза эпохи ранней — средней бронзы степного пояса Восточной Европы в целом и Волго-Уралья в частности. Одной из таких проблем в настоящее время стала проблема определения хронологических границ ямной культуры Волго-Уральского междуречья, которой посвящены работы поволжских и оренбургских исследователей: С. В. Богданова (2004; 2006 а, с. 9—15), А. В. Кияшко (2002; 2004, с. 86—90; 2006, с. 51—53), П. Ф. Кузнецова (1996, с. 56—60; 2000, с. 98—99; 2003, с. 107—112; 2004, с. 25—30; 2007, с. 216—224), Н. Л. Моргуновой (2002, с. 104—116; 2006, с. 67—71; 2007, с. 210—215), М. А. Турецкого (2001, с. 125—129; 2006, с. 94—100), а также петербургского исследователя М. Б. Рысина (2001, с. 100—101; 2005, с. 78—90; 2007, с. 184—220). Связано это, прежде всего, с появлением значительного количества радиоуглеродных дат, полученных по погребениям региона (Черных, Орловская, 2004, с. 84—98; Моргунова и др., 2003, с. 264—274; Моргунова и др., 2005, с. 96—104; П. Ф. Кузнецов, 1996, с. 56—57; 2007, с. 217—219).

Если по отношению к комплексам раннеямного (т.н. репинского) этапа не возникает проблем определения их культурного статуса, то по поводу культурной принадлежности комплексов последующего, позднеямного этапа (или классических «городцовских» погребений) началась активная дискуссия, которая обещает быть не менее острой, чем дискуссия по проблеме полтавкинской культуры начала 90-х годов. Чтобы понять суть разгорающейся полемики, необходимо напомнить некоторые моменты.

Полтавкинская теория прошла в своем развитии несколько этапов. В нынешнем состоянии она по своему содержанию настолько значительно отличается от того вида, в котором ее сформулировал П. Д. Рау, а затем развили Н. К. Качалова и И. Б. Васильев, что встает вопрос о правомерности использования термина «полтавкинская культура» применительно к памятникам т.н. раннеполтавкинского периода. Дело в том, что первоначально под полтавкинскими подразумевались комплексы с новыми, не свойственными ямным памятникам признаками погребального обряда (прежде всего, керамических форм), в процессе формирования которых значительную роль играли традиции катакомбной культуры. Так понимали эту группу памятников, несмотря на имеющиеся различия, исследователи прошлого столетия, начиная с П. Д. Рау (Рау, 1928, S. 12—14; Кривцова-Гракова, 1955, с. 15—21; Синицын, 1954, с. 78—79; Смирнов, 1960, с. 237—239; Мерперт, 1974, с. 69). Н. К. Качалова, начиная с ранних работ, по иному представляла развитие реконструируемой ею полтавкинской культуры, а затем и культурно-исторической общности. Принципиальным изменением концепции П. Д. Рау в изложении Н. К. Качаловой стал тезис о том, что катакомбные племена проникали в Заволжье в то время, когда здесь уже существовали сложившиеся полтавкинские племена (Качалова, 1964, с. 167, 172; 1968, с. 11; 1983, с. 8). В то же время Н. К. Качалова отрицала факт существования катакомбных памятников в Заволжье (Качалова, 1968, с. 12—13), хотя в последних работах, основываясь на резко возросшем количестве вновь открытых памятников катакомбного облика в Волго-Уралье, ей пришлось изменить свое мнение (Качалова, 2000, с. 206—208, 220). И. Б. Васильев, характеризуя этапы развития ранней и средней бронзы Среднего Поволжья, впервые использовал термин «ямно-полтавкинские памятники»¹, третья группа которых отличалась от предшествующей широким распространением ям со ступеньками-уступами, столбовыми ямками и канавками

¹ В этой связи хочется обратить внимание на ошибочно приписываемое авторство этого термина, которое, по мнению А. В. Кияшко, принадлежит мне (Кияшко, 2006, с. 51). На самом деле, И. Б. Васильев еще в работе 1979 г. ввел это понятие (Васильев, 1979, с. 24, 36), хотя применил его к более широкому хронологическому периоду, нежели раннеполтавкинский. Н. К. Качалова к введению этого термина относилась критически, считая, что он мешает более четкому разграничению двух родственных, но различных культур (Качалова, 2001, с. 45; 2002, с. 119).

на дне. Это новшество, по мнению И. Б. Васильева, было связано с усилением кавказского влияния на население раннеполтавкинское время лесостепного Поволжья (Васильев, 1979, с. 40, 44). В дальнейшем это положение послужило основой для разрабатываемой в последнее время П. Ф. Кузнецовым новой хронологии полтавкинской культуры Волго-Уралья (Кузнецов, 2000, с. 98—99; 2003, с. 107—112; 2007, с. 216, 221), чье начало отодвинуто к XXIX в. до н.э. (в калиброванном значении). Другой стороной раннего датирования полтавкинской культуры стал поиск ее истоков. В этом вопросе П. Ф. Кузнецов пошел дальше своей предшественницы. Н. К. Качалова отмечала сходство признаков погребальных обрядов ямных и раннеполтавкинских захоронений, служащих свидетельством генетического родства между двумя культурами (Качалова, 2002, с. 117, 125). При этом ею были выявлены т. н. «сквозные» обрядовые группы, которые свидетельствовали о культурной преемственности предшествующей и последующей культур (Качалова, 2000, с. 217—218; 2001, с. 54; 2002, с. 121—122). Речь идет об обрядовых группах, в которой представлены погребения с положением погребенных на спине, скорченно, ориентированных на восток или северо-восток. П. Ф. Кузнецов, напротив, рассматривая две группы погребений — в простых ямах и в ямах сложных конструкций со ступеньками, видит в них отражение двух принципиально различных традиций, за которыми стоят две культуры — ямная и полтавкинская. Далее следует вывод о том, что эта новая традиция в обряде не имеет местных корней, а, следовательно, население, ее соблюдающее, происходит из кавказского очага культурогенеза, где погребения со ступеньками по периметру, столбовыми ямками и канавками по дну характерны для новотиторовских комплексов (Кузнецов, 2007, с. 221)². Таким образом, полтавкинская культура стала представлять собой новое культурное образование, в основе которого два компонента — местной ямной и пришлый северокавказский (Кузнецов, 2003а, с. 108—111). В качестве подтверждения этого вывода привлекаются данные антропологии, свидетельствующие о появлении в Самарском Поволжье и Оренбуржье нового населения в период перехода от ранней к средней бронзе, а также о различиях антропологических типов, характерных для погребенных на спине и на боку (Хохлов, 2003, с. 193—195).

Итак, как уже было сказано выше, полтавкинская теория культурогенеза Волго-Уралья за несколько десятилетий своего существования претерпела кардинальное изменение — от выделения полтавкинской культуры в качестве переходной от ямной культуры к срубной до придания ей статуса особой культуры, чье происхождение связано с миграцией населения с территории, расположенной за две тысячи километров от Волго-Уральского региона. Хронологически полтавкинская культура из культуры среднего бронзового века, керамика которой, судя по эпонимному памятнику (Старая Полтавка), представляла собой, как писал Пауль Рау, модификацию имеющихся керамических типов катакомбной культуры (Рау, 1928, S.16) трансформировалась в культуру раннего бронзового века, синхронную ямным культурам (или вариантам ямной культурно-исторической области) всего степного пояса Восточной Европы. Датирование ямной культуры Волго-Уралья периодом XXXIV—XXIX вв. до н.э. (Кузнецов, 2004, с. 26) или рубежом третьей и четвертой четвертей IV тыс. до н.э. — первой четвертью III тыс. до н.э. (Кияшко, 2004, с.89) приводит к тому, что эта культура предстает в урезанном виде, образованием без развития, несмотря на очевидные признаки культурного единства на протяжении как минимум двух хронологических этапов (Турецкий, 2001, с. 127—128; Моргунова, 2002, с. 108—111; Богданов, 2004, с. 246—249).

² В обобщающей работе 1989 г. по проблемам полтавкинской культурно-исторической общности П. Ф. Кузнецов отмечал, что такого вида погребения являются свидетельством «заимствования идеи сооружения сложных ям», а не усиления непосредственного кавказского влияния (Кузнецов, 1989, с. 41—42). В качестве основания для этого вывода автор справедливо, на наш взгляд, отмечал отсутствие такого рода погребений в Нижнем Поволжье (зоне территориально близкой к юго-западным культурам), и присутствие их на Средней Волге и Приуралье (Кузнецов, 1989, с. 41).

Сузить рамки ямной культуры до границ репинского этапа значило бы вступить также в противоречие со всеми региональными периодизационными и хронологическими схемами, которые разработаны на материалах различных вариантов ямной культурно-исторической области от Северо-Западного Причерноморья до Южного Приуралья. Развитие ямной культуры предполагает для каждого из этих вариантов временной период от 700 до 1000 лет. Если все эти схемы привести в единую систему калиброванных дат, то они охватят интервал (при 68,2 % вероятности) от 3400 до 2200 гг. до н.э. (Черных, Орловская, 2004, с. 93; Трифонов 2001, с. 78—79). В работах последних лет этому вопросу уделяется большое внимание, поэтому достаточно в качестве примера сопоставить серии радиоуглеродных дат по различным вариантам ямной культуры, чтобы убедиться в таком выводе. Ямная культура Северо-Западного Прикаспия (Калмыкия, степное Ставрополье) датируется периодом 3000—2350 гг. до н.э. (с учетом резервуарного эффекта) (Шишлина и др., 2006, с. 114). Ямная культура Северо-Западного Причерноморья (Нижний Дунай — Днестр — Южный Буг) датируется в основном в пределах 2900—2300 гг. до н.э. (Иванова и др., 2005, с. 113—114), причем ряд древнейших дат относится к периоду 3600—3000 гг. до н.э. (Иванова и др., 2005, с. 124). Датировка памятников ямной культуры степной Украины охватывает период (95 % вероятности) 2840—2300 гг. до н.э. (Николова, 2001, с. 104). Общую картину дополняют данные радиоуглеродного датирования по всей ямной культурно-исторической области, представленные в сводке Е. Н. Черных и Л. Б. Орловской, указывающие на диапазон 2950—2200 гг. до н.э. (Черных, Орловская, 2004, с. 93). При этом отмечается тот факт, что ряд древнейших дат охватывает временной отрезок 3400—3100 гг. до н.э., что подтверждается и на материалах по Волго-Уральскому региону, где к настоящему времени известно 5 дат в этом диапазоне (табл. 1, I а).

Таблица 1

**Радиоуглеродные даты погребений ранней и средней бронзы
Волго-Уральского междуречья (по кости и дереву)**

№	Памятник	Лаб. №, материал	Дата ВР	Дата ВС 68 %	Публикация	Обряд, вещи
Ранний этап Ia						
1	Лопатино I, 35/1	Ki-7764 кость	4560±80	<u>3500—3100</u>	Кузнецов, 2007	Отвесные стенки погребения. Парное — мужчина и подросток. Оба — на спине с подогнутыми ногами. ВСВ. Вещей нет.
2	Полудни II, 2/7	ИГАН 3233 кость	4542±75	3365—3104	Мишкин, Турецкий, Хохлов, в печати	Отвесные стенки погребения. Парное — мужчина 50—55 лет и ребенок. Оба — на спине, мужчина — вытянуто, ребенок — слегка скорченно. СВ. «Маска». Вещей нет.
3	Нижняя Орлянка I, 4/2	АА-12573 кость	4520±75	<u>3350—3100</u>	Кузнецов, 1996	Отвесные стенки погребения. Мужчина. На спине, с вертикально поставленными коленями. В. Вещей нет.
4	Нижняя Орлянка I, 1/5	ОхА-4254 кость	4510±75	<u>3350—3100</u>	Кузнецов, 1996	Отвесные стенки погребения. Мужчина. На спине, с вертикально поставленными коленями. ВСВ. Вещей нет.

5	Мустаево V, 8/2	ИГАН 3016 гумус	5680±100 — 1200 лет	3400—3200	Моргунова и др., 2005	Отвесные стенки погребения. Череп мужчины 40—45 лет. Нет данных о положении костяка. Нет данных об ориентировке. Круглодонный сосуд закрытой формы с орнаментом в виде 7 линий перевитого шнура.
Ранний этап Ib						
6	Мустаево V, 1/1	Ле-6725 кость	4460±110	3340—2930	Моргунова и др., 2005	Отвесные стенки погребения. Мужчина 25—35 лет. Ничком на животе, лицом в пол. В. Необработанная галька. Вещей нет.
7	Лопатино I, 31/1	АА-47804 кость	4432±66	3320—2920	Кузнецов, 2007	Отвесные стенки погребения и 2 ступени вдоль южной длинной стороны. Мужчина. На спине вытянуто. В. Чашечка из глины, кремневый наконечник стрелы.
8	Грачевка II, 5/2	ИГАН-2875 кость	4422±67	3314—2924	Шишина и др., 2006	Отвесные стенки погребения. Женщина более 45 лет. На спине, коленями вверх (упали вправо). ВСВ. Маленькая баночка (без дна). 4 кремневых скола — отходы кремнеобра- ботки.
9	Кутулук I, 4/1	ОхА-4306 кость	4400±70	3110—2920 3270—2910	Кузнецов, 1996	Отвесные стенки погребения. Мужчина. На спине, ноги согнуты в коленях и, вероятно, стояли вертикально. СВ. Меч-скипетр из меди.
10	Подлесный I, 3/3	ГИН-13208 дерево	4390±50	3090—2910	Барынкин и др., 2006	Отвесные стенки погребения. Мужчина 45—55 лет. На спине, ноги согнуты в коленях и, веро- ятно, стояли вертикально (развалились ромбом). В. Вещей нет.
11	Кутулук I, 4/1 См. № 9	АА-12570 кость	4370±75	3100—2910	Кузнецов, 1996	Отвесные стенки погребения. Мужчина. На спине, ноги согнуты в коленях и, вероятно, стояли вертикально. СВ. Меч-скипетр из меди.
12	Мустаево V, 9/2	Ле-7021 кость	4330±100	3100—2700	Моргунова и др., 2005	Отвесные стенки погребения. Коллективное — женщина 35—45 лет и двое детей от 3 до 10 лет. Взрослый — на правом боку. В. Две булавки с выступами и головками с отверстиями, бронзовый нож листовид- ной формы.

Средний этап IIa						
13	Шумаево I, 3/6	Ле-6091 кость	4300±150	3300—2600	Моргунова и др., 2003	Ступеньки с западной и северной сторон, подбой в могильной яме, заложенный глиняным и деревянным закладом. Мужчина около 50 лет. На спине, колени вверх (упали влево). Вещей нет.
14	Подлесный I, 3/3 См. № 10	ГИН-13208 дерево	4290±40	2920—2879	Барышкин и др., 2006	Отвесные стенки погребения. Мужчина 45—55 лет. На спине, ноги согнуты в коленях и, вероятно, стояли вертикально (развалились ромбом). В. Вещей нет.
15	Красносамарское IV, 1/1 впускное	АА-37033	4284±79	3020—2700	Кузнецов, 2003б	Яма не прослежена. Мужчина 30—40 лет. Поза не определена. ЗСЗ. Вещей нет.
16	Полудни II, 3/1	Ле-7509 кость	4270±80	3020—2700	Мышкин, Турецкий, Хохлов, в печати	Ступени с 4-х сторон, яма ориентирована длинными сторонами по линии СВ-ЮЗ. Взрослый. Поза не определена. Вещей нет.
17	Подлесный I, 3/3 См. № 10 и 14	ГИН-13206 дерево	4260±50	2920—2700	Барышкин и др., 2006	Отвесные стенки погребения. Мужчина 45—55 лет. На спине, ноги согнуты в коленях и, вероятно, стояли вертикально (развалились ромбом). В. Вещей нет.
18	Грачевка I, 1/2	ГИН-11452 кость	4250±40	2910—2710	Кузнецов, 2007	Яма со столбовыми ямками. Мужчина. На левом боку. СВ. Плоскодонный сосуд.
19	Красносамарское IV, 1/3	АА-37031	4241±70	2920—2680	Кузнецов, 2003, б	Ступени по периметру ямы. Женщина 17—20 лет. На спине, колени вверх (упали друг на друга). СВ. Вещей нет.
20	Нижняя Орлянка I, 1/4	ОХА-4255 кость	4230±80	2920—2670	Кузнецов, 1996	Ступеньки вокруг ямы. Мужчина. На правом боку. ССВ. Медный нож с черенком.
21	Курманасевка III, 3/1	АА-47805 кость	4234±60	2911—2696	Богданов, 2006	Ступеньки с трех сторон — восточной, южной и западной. Женщина взрослая. На правом боку с завалом на спину. СВ. Булавка с головкой с отверстием и двумя перехватами, костяное кольцо-обойма.

22	Першин, 1/4	ВМ-3157 кость	4200±60	2910—2660	Черных и др., 2000	Отвесные стенки погребения. Подросток мужского пола 12—13,5 лет. На спине, колени вверх (распались ром- бом). ЮВ. Двустворчатая литейная форма из песчани- ка для втульчатого топора.
Средний этап IIb						
23	Уваровка II, 2/2	Ле-6550 дерево	4195±20	2815—2693	Кузьмина и др., 2003	Могила прямоугольной формы со ступень- кой с южной стороны. Женщина 40—50 лет. Поза не определена (найден только череп). Яма ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Серебряная подвеска, тесло, кремневые наконечники стрел с шипами, фр-т сосуда. Комки охры с орнаментом.
24	Подлесное 3/6	ГИН-13209 дерево	4190±40	2890—2690	Барынкин и др., 2006	Отвесные три стенки, вдоль северной стен- ки — уступ-ступень. Мужчина 25—30 лет. На правом боку. В. Сосуд плоскодонный с шишечками.
25	Мустаево V, 1/1 См. № 6	Ле-6732 дерево	4140±25	2870—2620	Моргунова и др., 2005	Отвесные стенки погребения. Мужчина 25—35 лет. Ничком на животе, лицом в пол. В. Несобранная галька. Вещей нет.
26	Нур I, 1/5	АА-47810 кость	4127±59	2870—2580	Кузнецов, 2007	Две ступени по периметру ямы. Мужчина. На спине с разворотом на правом боку. ВСВ. Плоскодонный сосуд.
27	Подлесное 3/6 См. №24	ГИН-132010 дерево	4110±50	2860—2570	Барынкин и др., 2006	Отвесные три стенки, вдоль северной стен- ки — уступ-ступень. Мужчина 25—30 лет. На спине с разворотом вправо. В. Сосуд плоскодонный с шишечками.
28	Шумаево, ОК II, п. 2	Ле-6088 дерево	4100±40	2810—2590	Моргунова и др., 2003	Ступеньки со всех сторон ямы. Парное — Мужчина 45—60 лет и ребенок 4-х лет. На правом боку с завалом на спину — мужчина, на левом боку — ребенок. В. Три деревянных колеса на ступеньках. Вещей нет.
29	Шумаево II, 6/6	Ле-6089 кость	4080±100	2870—2500	Моргунова и др., 2003	Ступеньки со всех сторон ямы. Парное — женщина стар. 45 лет и ребенок 5—8 л. На спине, ноги уложены вправо — женщи- на, на левом боку — ребенок. В — женщина, З — ребенок (антитеза). Колесо в заполнении могильной ямы. Вещей нет.
30	Лопатино I, 33/1	ОХА-4307 кость	4075±70	2860—2490	Кузнецов, 1996 Кузнецов, 2007	Ступенька по всему периметру. Мужчина. На правом боку скорченно. ВСВ. Плоскодонный сосуд.

31	Мустаево I/1 См. № 25	V ИГАН-2780 дерево	4070±30	2615—2503	Моргунова и др., 2005	Отвесные стенки погребения. Мужчина 25—35 лет. Ничком на животе, лицом в пол. В. Необработанная галька. Вещей нет.
32	Шумаево II, 6/6 См. № 29	Ле-6087 дерево	4070±45	2860—2500	Моргунова и др., 2003	Ступеньки со всех сторон ямы. Парное — женщина стар. 45 лет и ребенок 5—8 л. На спине, ноги уложены вправо — женщина, на левом боку — ребенок. В — женщина, З — ребенок (ангитеза). Колесо в заполнении могильной ямы. Вещей нет.
33	Шумаево, ОК II, п. 2 См. № 28	Ле-6090 кость	4060±120	2870—2490	Моргунова и др., 2003	Ступеньки со всех сторон ямы. Парное — мужчина 45—60 лет и ребенок 4-х лет. На правом боку с завалом на спину — мужчина, на левом боку — ребенок. В. Три деревянных колеса на ступеньках. Вещей нет.
34	Калиновка I, 1/3	ГИН-11289 кость	4050±70	2840—2460	Сташенков и др., 2006	Могильная яма без ступенек. Мужчина 60—70 лет. Поза не определена. Яма ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Жаровня из стенки сосуда с орнаментом зубчатым штампом.
35	Нижняя Павловка V, 2/3	Кj-7766 кость	4010±90	2835—2351	Кузнецов, 2000 Богданов, 2004	Ступеньки по периметру ямы. Женщина 30 лет, мужчина стар. 50 лет, еще 2 черепа. Позы не определены (погребение разрушено). Яма ориентирована по линии В-З.
Поздний этап						
36	Шумаево, ОК II, п.2 См. №№ 28 и 33	ИГАН-2448 дерево	3980±50	2563—2457	Моргунова и др., 2003	Ступеньки со всех сторон ямы. Парное — Мужчина 45—60 лет и ребенок 4-х лет. На правом боку с завалом на спину — мужчина, на левом боку — ребенок. В. Три деревянных колеса на ступеньках. Вещей нет.
37	Журавлиха I, к.1, п.16	ГИН-10614	3990±40	2570—2460	Кузнецов, Мышкин, 2003	Отвесные стенки ямы. Мужчина около 60 лет. На правом боку. СВ. Сосуд с округлым дном, орнаментированный.
38	Гвардейцы II, 1/2	ГИН-10611 кость	3960±90	2580—2300	Крамарев и др., 2002	Погребение разрушено. Женщина 25—30 лет. Поза не определена. Ориентировка не определена. Сосуд с плоским дном и весь орнаментирован.
39	Гвардейцы II, 1/6	ГИН-10613 кость	3960±40	2570—2350	Крамарев и др., 2002	Отвесные стенки погребения. Мужчина 40—45 лет. На спине, ноги уложены направо. СВ. Вещей нет.

Примечание: 3350-3100 — калибровка по: Черных и др., 2000.
2570-2350 — калибровка по OxCal v3.5.